

шел к вам за тем же, о чем и прежде просил». Саладин ему отвечал, что он останется при прежних условиях, а если они не приняли их, то и он ничего не переменит, ибо город и без того в его руках. «Государь, сказал Балиан, именем Бога, возьмите с бедных более умеренный выкуп, и если я буду в состоянии, то сделаю, что вам заплатят все, ибо из 100 не найдется двух, которые могли бы заплатить». Тогда Саладин отвечал, что, во-первых, для Бога, а потом и для него, он будет довольствоваться более умеренным выкупом, и назначил для мужчин 10 ливров, для жещин – 5 и для детей – один. Так был определен выкуп для тех, которые могут его внести; все же остальное их имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имеют право забрать с собой, и никто им в том не воспрещает. Тогда Балиан сказал снова Саладину: «Государь, вы определили выкуп богатых; теперь назначьте, что хотите, для бедных, ибо в городе будет до 20 тысяч человек, которые не в состоянии заплатить того, что следует с одного человека. Ради Бога, будьте уверены, и я буду хлопотать в Тампале, Госпитале и у граждан, чтобы все бедные были выкуплены». Саладин охотно согласился быть менее требовательным, и обещал за 100 тысяч византинов отпустить всех бедных. «Государь, – заметил Балиан, – когда все зажиточные выкупаются, то не лучше ли взять с них половину выкупа, который вы требуете с бедных?» Саладин не согласился. Тогда Балиан подумал, что ему невыгодно говорить о выкупах всех вместе, но лучше сговориться на определенную часть, а потом с Божьей помощью для остальных еще что-нибудь выторговать. Потому он спросил Саладина, а за сколько бы он отпустил 7000 человек. Саладин отвечал: «За 50 тысяч византинов». – «Государь, – возразил Балиан, – это невозможно; Бога ради, будьте умеренны». Наконец они договорились так, что за 7000 будет заплачено 30 тысяч византинов, и двух женщин считать за одного мужчину; то же и в отношении десятирх детей. Когда все было устроено, Саладин дал время для продажи и заклада имущества, чтобы внести выкуп.

Срок был назначен в 50 дней, и всякий, кто к этому времени окажется в городе, будет принадлежать Саладину со всем своим имуществом. Саладин обещал, когда христиане выйдут за город, он прикажет отвести их в целости на христианскую землю: все имеющие оружие должны вооружиться и, если разбойники или воры нападут на них, то пусть они защищаются и охраняют проходы, пока не пройдут через них все безоружные.

Когда все было таким образом определено, Балиан простился с Саладином и вернулся в город. Патриарх пригласил тамплиеров, госпитальеров, горожан для слушания договора Балиана с Саладином. Все собрались, и Балиан рассказал им все, как было. Они одобрили образ его действия, ибо он не мог поступить лучше. Тогда отправили к Саладину ключи от города, и он, получив их, выразил великую радость и возблагодарил Бога. Он послал стражу в башню Давида и приказал поставить на ней свое знамя, ворота же городские запереть все, кроме одних: а именно ворот св. Давида. При них были поставлены рыцари и простые воины, чтобы никто из христиан не мог выйти, и там же входили и выходили сарацины для покупки того, что христиане имели продать. Сдача Иерусалима произошла в пятницу, в день св. Лежьи (St. Legier), что бывает во второй день октября (le second jour d'octobre), в год от воплощения Господня 1188-й (1187-й). Когда Саладин совершенно укрепил башню св. Давида и городские ворота, он приказал кричать по городу, чтобы христиане несли выкуп в башню св. Давида и вручали его тем лицам (baillis), которые им для того поставлены, и чтобы никто не ждал срока 50 дней, ибо всякий с того времени будет принадлежать телом и имуществом Саладину, кого найдут еще в городе. Патриарх и Балиан отправились в Госпиталь и, взяв отсюда 30 тысяч византинов для выкупа 7000 бедных, отнесли эту сумму в башню св. Давида. Когда 30 тысяч византинов были уплачены, они созвали граждан города, и после того, взяв с каждой улицы двух выборных (prud'hommes, то есть prud'hommes), известных им лично, заставили их поклониться всем